

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление

5

Олеонафт.

Влияние луны на внутренние тропы жизни (2019)

7

Черная Весна (2020)

36

Я научусь останавливать кровь моей страны.

Я отмолю ее (2021)

39

Доброе утро, репликанты! Свидетель дня

71

Корона Гогенштауфенов. Сицилийский Дневник. Ковид

102

Кинцуги. Склеить фрагменты Любви

164

Жить прямо и строго

209

Обратитесь к специалисту

218

Уводь

231

Держать внутри солнце

253

Привет, безмолвие мира! Можно застыть?

276

История — это сейчас. Тихий шорох русского вторжения.

Русские идут к Пасхе

281

Тот мой дух
300

Неезженные ветви метро.
Мы, невротики
331

Вам позвонят. Богоматерь цветов
351

В Азовстали демонов хоронят
368

Империя шепчет. На последнем фронтире
385

Мертвые наследуют землю. Русское сердце
394

Фрагменты более ранних дневников Даши.
Простая школа и Великая Евразия. (2006)
401

У Бордо глаза карие (2012)
405

Континенты предпониманий (2013)
412

Dasein отказался (2014)
420

Внутреннее королевство.
Почему мы всегда молчим? (2015)
422

Послесловие
429

ВСТУПЛЕНИЕ

Этот дневник Дарья Дугина вела в последние 3 года вплоть до момента своей трагической гибели от рук украинской террористки.

Дневник не был публичным, его могли читать только самые близкие к Даше люди.

В «Дневнике» видно, как Даша разрывается между разными направлениями, каждое из которых ей одинаково дорого — это философия, религия, политика, культура, Россия и любовь. Она полагает, что держать вместе эти бесконечные сами в себе области можно только с помощью жесточайшей дисциплины. Отсюда — спорт. Дисциплина сама становится ее obsesией.

Чтобы сочетать тонкость и ярость, нежность и атаку, глубину философии и высоты религии, парадоксальные повороты культуры и императивы фундаментального патриотизма — она выбирает аскезу и труд. Подчас ей не удается оставаться на высоте фактически недостижимых поставленных задач, но она не опускает рук и из глубин отчаяния, из внутренних топей вырывается снова вверх.

В любви Даше не везло. И это неудивительно. Такая девушка могла полюбить только великого человека — вертикального, идущего за истину против всей массы стремительно остывающего мира... Такого же, как она сама... Еще лучше, еще решительней, еще смелее... Вы когда-нибудь таких встречали? Вот и она точно так же... Но любовь, нет, Любовь, и такая, как никому из нас не снилось, жила в ней, билась в ее сердце, рвалась пламенем из груди. Она и была ее главным содержанием. Эта Любовь была слишком большой, чтобы вместиться в мир. И она ушла из него, следуя ее Зову. В огненный рай Любви.

В Дневнике мы видим, как отчаянно Даша пыталась спроецировать идеал на тех молодых людей, кто подворачивался

под руку, а когда это рушилось, стремилась создать из разных частей цельную личность — ум одного, мужество другого, религиозность третьего, эстетическую утонченность четвертого, патриотическое честолюбие пятого... Она почти создала из друзей такой Орден Любви... И наверняка, создала бы...

В записках видно, что Даша была глубоко ангажирована культурой русского Серебряного века. Опираясь на нее, она стремилась соучаствовать в начинании века Бронзового, продолжающего традиции столетней давности, но в совершенно новых исторических и социальных условиях. Даша искала стиль, язык, форму для Бронзового века. Старалась найти людей, соответствующих ему.

Это предопределяло многое в ее записях — эксперименты, в том числе со словом и образами, мотивы, темы, стихи, жесты. Сама Даша, пожалуй, представляет собой фигуру, максимально близкую именно к Бронзовому веку — каким он должен был бы быть...

«Дневник», который Даша вела в телеграмм-канале, назывался изначально «Олеонафт». Ей нравилось слово, которое она почерпнула из постмодернистского, даже спекулятивно-реалистского, языка — прежде всего, в «Циклопедии» Резы Негарестани. У Негарестани нефть и мазут (то есть собственно, олеонафт) выступают как мистическая субстанции крови земли.

Эта кровь представляет собой темную подоснову материального мира, которая находится ниже самой материи. Преодолеть ее, преобразить и превозмочь — цель полноценного духовного существа. Но нельзя недооценивать могущества нижних регионов бытия. От них надо оттолкнуться, чтобы всплыть, взлететь, взмыть на крыльях души к высшим регионам духа.

Мы позволили себя убрать малозначимые бытовые записи и комментарии. В тексте сохранена авторская поэтическая манера письма, подчас расходящаяся с нормами русской орфографии.

*Родители Даши Дугиной:
А. Г. Дугин, Н. В. Мелентьева*

ОЛЕОНАФТ. ВЛИЯНИЕ ЛУНЫ НА ВНУТРЕННИЕ ТРОПЫ ЖИЗНИ

2019

28 / 01¹

Пухов все шел по снегу, и шел, увязая в нем, веря, что оно и есть то самое болото, породившее все живое. Пухов погружался все сильнее и сильнее в него, возмнив себя гигантским локомотивом, сурово громыхающим в покинутом Бельми полевым хороводе метелей.²

Увязать в снег, в него падать — в этом есть и диурническое³. Иметь дело с замершей водой благороднее, чем с текущей и, даже вялотекущей (олеонафт / мазут). Сидение (немного мазутное) в пространстве рядом с «Трансильванией»⁴, маленькой московской «Трансильванией», дает силы. В столице расставлены по точкам кристаллы, энергетические значки (игровые и крутятся). Собрать их, не попавшись в руки энергетических ям — искусство. В чайной

-
- [1] Первую половину 2019 года Даша жила преимущественно в Санкт-Петербурге, хотя часто приезжала и в родной город — Москву. К осени она вернулась в Москву окончательно, хотя часто ездила и в Санкт-Петербург.
 - [2] Этот фрагмент, открывающий Дневник, представляет собой Дашину вариацию на тему повести Андрея Платонова «Сокровенный человек», главный герой которой — Фома Пухов. В тексте присутствуют как образы, важные для Платонова — снег, локомотив, так и перенесенный на стихию символ хоровода, имевший огромное значение для Даши и восходящий, по всей видимости, к позднему диалогу Платона «Законы».
 - [3] В теории французского социолога и религиоведа Жильбера Дюрана существует три режима воображения — диурн, драматический ноктюرن и мистический ноктюرن. Диурн — героический режим, солнечный, соответствует интеллектуальной ясности, связан с Аполлоном.
 - [4] Знаменитый московский музыкальный магазин Бориса Симонова.

около «Трансильвании» бродит небывало высокая девочка. Наверное, это гражданка великого земного скола. Закрывая глаза, видеть великанов, острые скалы, горные перевалы с замерзшими водопадами, острые звезды, острые одеяния солнца. Выпив литр копченого чая, начинаешь чувствовать себя как прокопченная сосновая ветвь, неспешно догорающая рядом с маленьким чайным домиком, в котором, конечно, ходят великаны. Птица-травмпункт.

В чайной выращивают тайную птицу (не травмпункт). Тут целый сговор — деревянные столы, девушка-гигант и, наверное, птенец птицы-гиганта! Странная и загадочная серия чайных: Покровская похожа на огромный поезд. Эта напоминает гнездо птицы-гиганта, которую охраняет девочка-великан.

Гигантская девочка. Совершенно непонятно, какую страну они пытались воспроизвести... Фоном играет странная рэгги-джаз-импровизация с английского радио, на котором периодически песни анонсирует ребенок. Деревянные столики, подносы для чайных церемоний, стена-водопад, клетка для

птицы, с которой разговаривает владелица пространства, розетки с лампами, большая голубая чашка на стене...

С какого-то момента мое «окружающее» стало кристаллизироваться в своей нестандартности, будто внешний мир получил от меня мандат на размытие контура — все диковинное, витиеватое, платоновское (котловановское¹, конечно). Кажется, эта чайная меня заколдовала, наложила чары, обездвижила.

Наблюдение за городом: одно из самых медленных созданий в городе — аппарат метрополитена по оплате карты Тройка. Немного проанализировав скорость машины, приходишь к выводу, что тройка — это три коника, два из которых из диалога «Федр»². Бьют копытцем по плоскости внутренностей машины: один из них не принимает монеты по рублю, другой — выкидывает из маленькой расщелины десятки. Кормчий же не принимает и бумажные полотна. Долго фыркает конь, медленно пересчитывает кормчий приданое. Мне кажется, что если нужно было бы привести пример, как выглядит «долгота», то можно смело эту триаду приводить и показывать. Фырк-фырк: кормчий напоминает коням, что человек — пленник временного.

29 / 01

Я — человек облегченного типа, объяснил он тем, которые хотели его женить и водворить в брачную усадьбу.³

Найден список «гостей» на мои похороны. Обновила. Одного из гостей уже нет в живых. Другой гость два раза упомянут в списке. Третий гость не имеет фамилии (запросила у него).

[1] Имеется в виду повесть Платонова А. «Котлован».

[2] Образ души у Платона, любимый Дашей. Душа — колесница, запряженная двумя конями — белым (ярость, воинское начало) и черным (похоть, телесные влечения). Конями правит колесничий, кормчий (разум).

[3] Платонов А. «Сокровенный человек: Повести и рассказы». Ярославль: Верх-Волж. кн. изд-во, 1983.

Когда в метро говорят «соблюдайте спокойствие и порядок, поезд скоро отправится», ваше спокойствие — так же, как у меня — исчезает? И пронзительный звук вагона, затягивающийся на миллионы секунд. Ничто не является таким беспокойным, как прерывающийся голос машиниста, говорящий о необходимости соблюдать спокойствие. Вагон стал темным. На чуть-чуть.

Солнечный активизм.

30 / 01

Телесность ломится от пара. Хорошо, когда только от него. Телест-ность. «Телест» — «нести». Где же мой Телест? У каждого в жизни должен быть Телест. Если его нет, человек должен задуматься, все ли он делает правильно. В подмосковном городе двое двадцатилетних сосен были арестованы за создание организованной преступной группировки «Телест».

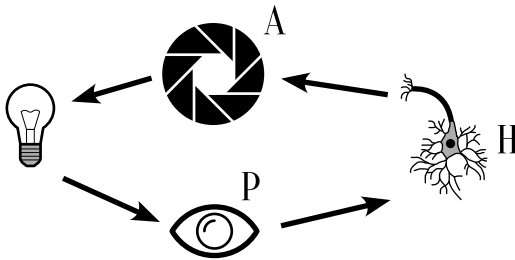
Тоги и выси моего сердца

Кластер античников. Кластер ранних стоических школ. Слово «кластер» меня заворожило. Непопулярное искусство как цель. Чем менее популярно нечто, тем ценнее оно. «Устраивать выставки, запрещая на них приходить всем!»

Странно. Всю жизнь виделись финно-угорские черты во мне как желание зарыться в землю. Оказывается, в финно-угорском есть дионисийское — очень странная смесь. Спокойные, несорящиеся, курносые и при этом зарываются в землю солярно. В гробиках, в гробиках спят. Солярное закапывание — это как старообрядческий сон в гробах! «Ах, гробы мои, гробы!»¹

«Баллистический желатин». Солярная «зарывка» в землю.

*The “clusters” of which this Universal “cluster of clusters” consists, are merely what we have been in the practice of designating “nebulae” — and, of these “nebulae,” one is of paramount interest to mankind. I allude to the Galaxy, or Milky Way.*²

[1] Слова из старообрядческого духовного стиха.

[2] Пое Е.А. Eureka: A Prose Poem.

Из разговора с Эженом¹:

— Мы солярные?

— Нет ни солярки, ни керосина...

— Тогда — олеонафтические!

Олеонафтические топи — это такие лоскуты природы, где можно сесть на скамью, располагающуюся на воздушной подушке из невесомости, и плыть, кончиком пальца на ноге направляя корабль, прорывая пальцем маленькие ямочки в сгущенной нефтяной дали. Там есть розовощекое сияние перед закатом и странные деревья, издали сосны напоминающие. Вьется нежность там, подобно виноградным лозам. Ногу в нефть опустить при условии, что под черной коркой поверхности никаких подвохов не будет.

Внезапно захотелось положить кого-то на землю за три удара. В принципе, я это умею: надо теперь научиться сделать это за два.

[1] Возможно, речь идет о Жаре Волохвине, лидере ЕСМ (Евразийский Союз Молодежи).

А вдруг и внутри меня нефть течет? Болотистый цвет глаз в центре держит черный зрачок. Через него она с внешним миром и общается. Течет, течет нефть и на тебя несдержанным взглядом выплеснется. Поплывем по реке, ноги в воду окунем и будем бродить по поверхностям черным. Олеонафтические шатуны.

Землю ели, хороводы водили, червей варили, почву любили, деревья целовали, небеса подпирали, грибы собирали, о могилах грезили, в гробах спали, руки укутывали, половицы расшатывали, ближнего возносили, на небо сон провожали, тропы протоптали, листья сметали, одеялом накрывали, весну ждали.

5 / 02

— *Мертвые не шумят*, — сказал *Воцев мужику*. — *Не буду*, — согласно ответил *лежащий и замер, счастливый, что угодил власти*.

— *Ну, прекрасно*, — сказал тогда *Чиклин*. — *А кто ж их убил?* — *Нам, товарищ Чиклин, неизвестно, мы сами живем нечаянно*. — *Нечаянно!* — произнес *Чиклин* и сделал мужику удар в лицо, чтоб он стал жить сознательно. Мужик было упал, но побоялся далеко уклониться, дабы *Чиклин* не подумал про него чего-нибудь зажиточного, и еще ближе предстал перед ним, желая по сильнее изувечиться и затем исходатайствовать себе посредством мучения право жизни бедняка. *Чиклин*, видя перед собою такое существо, двинул ему механически в живот, и мужик опрокинулся, закрыв свои желтые глаза. *Елисей*, стоявший тихо в стороне, сказал вскоре *Чиклину*, что мужик стих. — *А тебе жалко его?* — спросил *Чиклин*. — *Нет*, — ответил *Елисей*. — *Положь его в серединку между моими товарищами*.¹

[1] Платонов А. «Котлован».

Мертвые не шумят. Мертвые не шумят. Мертовенькие мертвяки, мертвеченькие не шумят.

А я шумлю. Еще бы калиточку прогрызть!

Порой возникает острая потребность в том, чтобы что-то (кого-то), нечто (ничто) укусить. Впитаться зубами и немного ими еще и покусаться. Яростные дни.

При наличии горя в груди надо либо спать, либо есть что-либо вкусное.¹

Что же разрывает-то так? Гость изнутри? Или чушь постполуденная? Будто слова услышали тысячи шушлянов² и маленьких гоэтических существ и начали иступленно играть, играть, играть! Как разрывает, однако — как разрывает. Нефть изнутри.

Метание по цитатам.

Трудись и трудись, а когда дотрудишься до конца, когда узнаешь все, то уморишься и померишь. Не расти, девочка, затоскуешь.³

А в гробиках-то игрушки разложены уже. Хочется подражаться, обняться, обмазаться олеонафтом, окунуться в ледяную воду и посмотреть на синее заброшенное небо сквозь поверхность открытыми в остуженной воде глазами.

[1] Платонов А. «Чевенгур».

[2] Шушлян — неясное существо, которым родители Дашу пугали в детстве.

[3] Платонов А. «Котлован».

Еще: поваляться на земле, подраться на земле, развалиться на земле, получить синяк от земли, зацепиться за ветку, взаимодействие, упасть небожно, получить еще синяк, найти красивый лист, скатиться с земляной горки, громко спеть песню из XII-го века, не встретить волка, изумиться строгости берега (где глины и месива грязного нет), увидеть лед тонкий, провалиться одной ногой (голой) немного в него...

Еще, еще: «жить холодно и расчетливо» (после валяния в земле — такое желание аннулировано на фазе «желание»). А вообще ясно, отчего так драться хочется, и сильно хочется драться — с кровоподтеками и рассеченным кулаком. Как лихо желания я перевожу из кластера в кластер. Кластер желаний. Избиение земли или избиение землей?

Нефть гниет? Кажется, когда нефть должно не прогорает, она загнивает, плесенью покрывается ее матовая корка, а ее намерение прогоркает. Оттого и редко внутри нефть проявляется. Больно, больно, больно! Состояние тотальной обнаженности.

«Море олеонафта волнуется» В.¹ Mon cœur mis à nu.²

*Духовна плоть ее, в ней ароматы рая,
И взгляд ее струит свет неземных лучей.
В ночном безмолвии, в тиши уединенья,
И в шуме уличном, в дневном столпотворенье,
Пылает лик ее, как факел, в высоте.³
И молвит: «Я велю — иного нет закона, —
Чтоб вы, любя меня, служили Красоте;
Я добрый ангел ваш, я Муза, я Мадонна!».*

-
- [1] Валентин Чередников, участник тг-канала и кружка «олеонафтов», друг Даши.
[2] «Мое обнаженное сердце» с фр. Впервые словосочетание было использовано в «Маргиналиях» Эдгара По. Затем Шарль Бодлер озаглавил так один из своих дневников.
[3] Бодлер Ш. «Что скажешь ты, душа, одна в ночи безбрежной». // Цветы зла. М: Наука, 1970.

Изучение телесности — изучение телестностью — телезация изучения. Плоть плотью плотить и наплотить. Плотию плоть поправ.

6 / 02

Сильные и крепкие тела — прекрасны. Скорее, скорее навстречу вечернему танцу!

Тоги и выси моего сердца

Меня настойчиво преследует чувство того, что все истлевет — жизнь, силы, возраст. Когда ты ребенок или юнот, все вокруг блестит и переливается красками, а мотылек, пролетающий между березой и елью в зареве предзакатных лучей, кажется вечным.

Мы не знаем детьми о том, что через пару часов в стемневшей дачной заводи он обожжет свои крылья на догорающем огоньке, ошибочно приняв его за источник подлинного света. Мир кажется нам огромным пространством игры, которое мы оживляем. Старая бочка становится морем, старая купель — фрегатом, на котором ты залезаешь в тот же закат и поешь песни... Все озаряется солнечным блеском — речка, травы... И все это кажется вечным.

А потом все становится революционным — ты отрекаешься от детского ритма и переходишь в бетонные короба, в которых стремишься проводить лето. Мечта теперь — стать как все взрослые: деловым, со жвачкой или даже сигаретой и сумкой, в которой непременно будут важные таблицы. Игра вытесняется бетонными стенами. В юности бетон оживает цветами — влюбленность, но на миг, и та, которая более никогда не повторится... Она шире любого города, но уже того, что предписано судьбой... Любовь истлевет. Бетон начинает казаться пыльным, а коробки городского типа — бездушными. Наступает эра Чорана¹.

Пару лет — как во сне. То ты среди музыкального раздолья, то в парке, то погибающий от асфальтового жара. И ты, окруженный смертью, понимаешь, что предметы седеют — так же, как твое окружение, и те, кто растил тебя. В них становится мало сил, а рядом начинают бегать новые дети. Ты смотришь на них и во всем этом видишь закат, а в себе — лишь свидетеля какого-то мига.

[1] Эмиль Чоран — любимый Дашей румынский философ, оцениваемый ею вначале как крайний онтологический пессимист. Эссе Чорана «Энтузиазм как форма любви», прочитанное Дашей в 2012 или 2013 году, побудило ее рассматривать Чорана в рамках идеи эсхатологического оптимизма, которую она начала развивать.